

Я летел на московский вокзал, как на крыльях. Молодой военный журналист в звании старшего лейтенанта, без году неделя в военной газете — и с полным успехом выполнил редакционное задание в столице. Будет что рассказать на первой лётке, сделать особый упор на то, как иногда незначительный факт может сыграть большую роль в поисках интересных героев.

Всё началось с подведения итогов боевой стрельбы в одном из подразделений нашего Прибалтийского военного округа и поощрения особо отличившихся на полигоне, в их числе братьев Гиль.

Говорю офицеру, что фамилия Гиль редкая, но хорошо известная в нашей стране. Личным водителем Владимира Ильича Ленина был Степан Казимирович Гиль. Не имеют ли братья какого-то отношения к этой исторической личности?

— Вряд ли, — протянул офицер, — иначе не только в роте, а во всей нашей части знали бы об этом.

Через пару минут передо мной стояли два бравых гвардейца, два крепыша, похожих друг на друга, как две капли воды. Спрашиваю, не слышали ли они о Степане Казимировиче Гиле?

— Да это наш дедушка, — смущённо заулыбался сержант Евгений Гиль...

Через несколько дней я уже был в Москве, где встретился с родителями и близкими родственниками моих новых знакомых. Исписал два блокнота бесед со старшими Гилями, подержал в руках и полюбовался детской игрушкой — деревянным паровозиком, подаренным Лениным маленькому Васильку, а ныне Василию Степановичу, отцу бравых гвардейцев...

Настала пора возвращаться в Ригу. На последних минутах влетаю в двухместное купе и вижу пожилого мужчину лет шестидесяти с пустым рукавом синей рубашки. Он сразу извинился, что не на своём месте и что после вечернего чая займёт свою верхнюю полку. Говорю ему, что чай мы попьём вместе с горячими пирогами, которыми меня щедро снабдили в дорогу, а верхнюю полку займу я как младший по возрасту.

— Не беспокойтесь, — с улыбкой отвечает мой попутчик, — высота моя страста с юности.

Как же я потом корил себя за то, что не придал значения этой фразе. Мне хотелось скорее поделиться с Петром Семёновичем Шемендюком — так звали моего нового знакомого — своим пребыванием в знаменитой семье. Плотнo поужинав наивкуснейшими пирогами с чаем, показываю большую фотографию.

— Владимир Ильич, Крупская? — с удивлением рассматривает фото Пётр Семёнович.

— А впереди, на водительском сиденье, — пояснил я, — Степан Казимирович Гиль. В семье его сына Василия Степановича я и побывал в гостях, отсюда и пироги...

Проснулся я примерно за час до прибытия поезда в Ригу. Заглянул сверху под лавку. Пётр Семёнович, видать, давно проснулся и читает военные мемуары. И опять попили мы чайку с пирогами. Интересно, а что делал мой попутчик в столице.

— Побывал в Малом театре.

— Что смотрели?

— Сожалею, на спектакль времени не хватило, хотя приглашал сам Михаил Иванович Царев. Дело в том, что в годы Великой Отечественной войны в составе нашей авиадивизии сражалась знаменитая эскадрилья “Малый театр — фронту”, построенная на личные средства коллектива этого театра. Встреча с артистами прошла так задушевно, что я не мог сдержать слёз...

Можете себе представить, как взволновали меня эти слова фронтовика. А за окном оказался перрон вокзала. Времени совсем не остаётся поговорить с этим человеком. Пётр Семёнович снял костюм с вешалки, на лацкане пиджака сверкнула Золотая Звезда...

— Пётр Семёнович, — вскрикнул я, — вы оказывается, Герой Советского Союза! А я — бездарный журналист... Как я мог пропустить мимо ушей вашу фразу — высота моя страсть с юности!

Ну, что можно было сделать за несколько оставшихся минут? Обменялись визитками. Пётр Семёнович сказал, что в Риге задержится на сутки у фронтового друга, а потом отправится в Калининград, к месту своей работы в качестве зама управляющего трестом “Калининградэнерго”. Пригласил в гости.

Первым позвонил Пётр Семёнович, чтобы поздравить с моей большой публикацией о семье Гилей.

— Дорогой Пётр Семёнович, — разволновался я, — а я собираюсь к вам в гости, если не возражаете.

— Рад вас принять у себя, — отвечает Герой, — если вы приедете ровно через неделю, вас будет ждать сюрприз.

Спустя неделю я прибыл в Янтарный край. Звоню в квартиру. На пороге — Пётр Семёнович. Он крепко жмёт руку, обнимает меня, а на лице — загадочная улыбка.

Проходим в большую светлую гостиную. Смотрю — в мягком кресле сидит человек, по возрасту примерно такой, как и хозяин квартиры. Обе его ноги опущены в большой таз с водой, рядом — ботинки с протезами...

— Знакомься, Алёша, — раздался голос Шемендюка, — вот тот самый военный журналист, о котором я тебе говорил.

Сидевший в кресле протянул мне руку, представился: Маресьев Алексей Петрович. Простите, что не могу встать без протезов... Ноги подводят. Сегодня мы с Петром Семёновичем были у могилы Канта, да, видать, лишнего простояли...

Смотрю на знаменитого лётчика, а сам думаю: “Ваше геройство, Алексей Петрович, продолжается каждый день”. Ежедневно испытывать такие муки!.. Наверное, любой человек, не говоря уже о коллегах журналистах, поймёт моё состояние. Что мне делать? Как я буду вести беседу с такими героями?

Маресьев будто угадал моё затруднение.

— Вы не теряйтесь, — говорит он, — обо мне уже писать нечего, ваши коллеги натворили сотни разных статей. А вот о Петре Семёновиче нет ни строчки. Он в пять раз сбил больше стервятников, чем я, — двадцать четыре факела зажёл он и спустил с неба на землю. Так что смелее за дело!

Смотрю, хозяин квартиры переминается с ноги на ногу, что выдаёт его внутреннее волнение. Он протягивает мне распечатанный почтовый конверт с письмом и говорит:

— Я вам сказал об одном сюрпризе — это о моём госте, друге юности Алексея Петровича. Вот вам ещё один сюрприз, это и мне сюрприз. Вчера почтальон принёс. Читайте...

С нарастающим любопытством разворачиваю письмо, написанное на листах ученической тетради.

“Дорогой Пётр Семёнович! К вам обращаются жители села Моховое Кромского района Орловской области. Наконец-то мы нашли вас живым и здоровым, и как хочется каждому моему земляку, от октябрёнка до седого ветерана минувшей войны, крепко обнять вас, заслуженного лётчика-фронтовика, поговорить с вами, дорогой товарищ.

К поискам неизвестного лётчика, то есть вас, Пётр Семёнович, нас подтолкнули рассказы односельчан, людей постарше, которые хорошо запомнили, как в один из августовских дней 1943 года разгорелся жаркий воздушный бой наших “ястребков” с фашистскими “мессерами”. Многие тогда и, в частности, Василий Шавырин, видели, как падали на землю вражеские стервятники, сбитые меткими очередями советских соколов.

Упал недалеко от околицы села и объятый пламенем краснозвёздный “ястребок”. Лётчик храбро сражался с превосходящими по силе фашистами. Многим запомнилось: над местом гибели самолёта низко пролетели товарищи сбитого пилота, они покачали крыльями, навсегда прощаясь с другом.

Тогда все решили, что лётчик погиб, так как никто не видел его выпрыгнувшим с парашютом. Вскоре на месте падения “Яка” собрались жители посёлка и установили памятник с надписью: “Неизвестному герою”.

После войны мы пытались разрыть воронку, образовавшуюся при падении самолёта. Хотелось найти останки авиатора, а может, и установить его имя, но раскопки ничего не дали. На трёхметровой глубине удалось обнаружить лишь несколько обломков самолёта. Прошло ещё немало лет. Мысль о неизвестном герое, погребённом вместе с подбитым “ястребком”, не давала нам покоя. И снова начались раскопки. Десять дней кряду в свободное от работы время колхозники Виктор и Николай Леоновы, Леонид и Анатолий Тишкины, Николай Сидоров, Николай Фёдорович и Николай Егорович Шавырины и многие другие метр за метром пробирались к тайне, хранившейся в земле столь долгие годы. На глубине семи метров лопаты ударились о металл. Это был мотор. С помощью двух тракторов подняли на поверхность всё, что осталось от самолёта. Первым делом все бросились к обломкам кабины. Останков лётчика не было. Значит, пилот, возможно, жив?! На сидении нашли полуистлевшую планшетку, пробитую в нескольких местах осколками и пулями. В планшете — пожелтевшую крупномасштабную карту центральных районов России, конспекты, свидетельствующие, что неизвестный авиатор учился в лётной школе. И вот, представьте, товарищ герой, охватившее всех огромное волнение, когда из рук в руки пошла фотография лётчика, посечённая мелкими осколками. На гимнастёрке лётчика чётко виден орден Ленина. Нашли также письма на имя П. Шемендюка и фотографии трёх девушек. В планшете хорошо сохранился ещё один интересный документ — вырезка из армейской газеты “Доблесть” от двадцать третьего июня 1943 года. Фронтový корреспондент майор Коротков рассказал о том, как старший лейтенант Шемендюк вместе с Героем Советского Союза Залевским в одном из боёв с фашистскими стервятниками сбили 13 вражеских самолётов. Сколько слёз радости было у моих односельчан!

В тот же день написали письмо в “Правду”. И вот долгожданная весточка: вы, дорогой наш Пётр Семёнович, живы... Так примите самое горячее, самое чистосердечное приглашение от всех моховчан приехать к нам в гости. Встретим всем Кромским районом. Ждём с нетерпением, чтобы увидеть Вас, ветерана Великой Отечественной войны, за плечами которого, как нам кажется, какая-то необыкновенная судьба.

С глубоким уважением учитель Моховской школы Ададунов Г. Д.”

Затаённая мечта у каждого человека зарождается по-разному. Одних вдохновляет на выбор жизненного пути яркий герой книги, других — примеры родителей, третьих — неожиданная и увлекательная встреча с интересным человеком.

Десятилетний Петя вместе с отцом вспахивал на захудалой кляче приусадебный огород. Вдруг в небе раздался натуженный рёв мотора и над головами пахарей пронёсся краснозвёздный военный самолёт. Его мотор работал с переборами, часто “стрелял”, и крылатая машина села где-то недалеко за гребённой лесой. Мальчик со всех ног бросился туда.

Так вот она какая, загадочная крылатая машина!! Лётчик в кожаной куртке с большими очками на шлеме что-то колдовал с мотором. Он оказался при-

летеливым и добрым. Лётчик поднял мальчика на руках и усадил в кабину, разрешил потрогать сверкающие на солнце ручки управления...

Вот так внезапно ворвалась в сердечко мальчугана пламенная мечта стать пилотом. Началась нелёгкая дорога к цели. В 1931 году Пётр Шемендюк уехал в Одессу, где поступил в строительную профшколу. Много позже он узнает, что в этой школе получил специальность кровельщика и каменщика С. П. Королёв, будущий главный конструктор космических кораблей.

Через два года молодые специалисты отправились возводить своими руками город юности на самом краешке дальневосточной земли, на берегу Амура. Бригада Петра Шемендюка разместилась в рубленом доме. Снег по самой крышу. Мороз под 40°.

Но не одной работой жили строители. По вечерам шли в разные кружки — кто петь, кто танцевать, играть на разных инструментах. Пётр не мог позабыть того доброго лётчика, вставал и ложился с его образом. В свободное время смастерил макет того самого самолёта и укрепил его под потолком комнаты. Посмотреть на искусную поделку ходили из соседних бараков. Так Пётр познакомился и крепко сдружился со своим единомышленником — мечтателем Алексеем Маресьевым. К ним присоединились другие товарищи.

Комсомольцы решили создать свой аэроклуб. Постановили — всем отработать не менее четырёх дней для раскорчёвки лётного поля. И вскоре аэродром был готов. Начались захватывающие практические занятия по изучению техники и полёты.

Шемендюк и Маресьев закончили аэроклуб с оценкой “отлично”. Пятнадцатого декабря, в день трагической гибели Валерия Чкалова, по рекомендации крайкома комсомола они выехали в Читу держать экзамен в военную лётную школу. Алексей успешно прошёл строгую отборочную комиссию, а Петру не повезло. После простуды он подхватил воспаление лёгких, здоровье ещё не окрепло.

— Приезжайте через годик, — посоветовал начальник школы полковник Оковин.

— Товарищ полковник, — взмолился Пётр, — не отчисляйте меня, я на вашей перловой каше так отъемся, — через неделю не узнаете.

Начальник школы, как и все члены приёмной комиссии, рассмеялись.

— Ладно, оставим его, пусть ест досыта перловую кашу, — согласился Оковин...

В декабре 1940 года военная судьба надолго развела друзей Алексея Маресьева и Петра Шемендюка по разным адресам. В звании младшего лейтенанта Пётр вместе с товарищами Петром Харитоновым и старшиной Тотминым получил назначение в Ленинградский военный округ. 22 июня 1941 года в третьем часу ночи полк был поднят по боевой тревоге. Пришёл приказ рассредоточить эскадрилью на полевом аэродроме. А через час началась война.

Уже на следующий день утром двадцать третьего июня отличился заместитель командира эскадрильи лейтенант А. Чирков, первым в полку открывший счёт сбитым фашистским самолётам. В то утро он находился на боевом дежурстве, когда прозвучала команда вылететь на перехват двух немецких бомбардировщиков, шедших курсом на Ленинград.

— Я их увидел впереди себя, — глотая от волнения слова, делился опытом Андрей. — Гляжу, идёт пара “хенкелей”, а истребительного прикрытия нет. Уверены гады в своём превосходстве. Набрал высоту, зашёл со стороны солнца и налетел на ведущего. Нажимаю гашетку — трасса точно прошла цель, фашист горит! А я сдуру строчил до тех пор, пока он не врезался в землю.

На пятый день войны героический подвиг совершил младший лейтенант Пётр Харитонов. Группа фашистских бомбардировщиков шла курсом на Псков без прикрытия, демонстрируя свою уверенность в победе. В воздух поднялась шестёрка наших И-16. Бомбардировщики развернулись и стали уходить на юг. Пётр Харитонов погнался за “юнкерсом”, нажал на гашетки пулемётов, однако оружие молчало. Отважный лётчик вспомнил о таране. Молодой боец зашёл в хвост бомбардировщика и на миг увидел злое, оскальнившееся лицо вражеского лётчика, обернувшегося назад. Харитонов ударил винтом по рулю глубины. Страшный треск, разлетающиеся в сторону куски. “Юнкерс” повалился вниз. И-16 сильно затрясло, но Харитонов сумел посадить повреждённую машину на брюхо. Это был первый воздушный таран в небе Ленинграда.

Через день еще два однополчанина Петра Харитоновна – младшие лейтенанты Степан Здоровцев и Михаил Жуков – протаранили вражеские бомбардировщики винтами своих истребителей. Лётчикам полка П. Харитонову, С. Здоровцеву и М. Жукову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Поэт Александр Твардовский посвятил им стихи, которые были опубликованы в “Известиях”:

*И сколько себя ещё в сватках лихих
Покажут советские люди!
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.
Запомни же русские их имена,
Что дороги будут для внуков:
Здоровцев Степан, командир звена,
Пилот Харитонов и Жуков.*

Образцы умения беспощадно громить врага лётчики полка демонстрировали ежедневно. Лишь с 8 июля по 1 августа 1941 года они провели 48 воздушных боёв, сбили 18 самолётов врага, потеряв 4 своих.

Надо сказать, что ни один немецкий лётчик за время войны ни разу не отважился на таран, не проявил готовности к самопожертвованию.

6 декабря 1941 года началось историческое контрнаступление советских войск под Москвой. В этот день Пётр Шемендюк поднялся в воздух командиром звена. Лётчики-истребители вели сопровождение наших штурмовиков. Заметив фашистский бомбардировщик, который обстреливал нашу пехоту, Шемендюк резко пошёл на снижение и на крутом вираже поймал в прицел желтобрюхое тело пирата. От очереди из пушки фашист загорелся, резко пошёл вниз и сел в расположении наших войск. Со всех сторон к нему побежали солдаты. Борт-стрелок бомбардировщика открыл стрельбу. Петр прошёлся на бреющем полёте, дал очередь по бомбардировщику, и тот взорвался.

Вторая победа над воздушным пиратом Петру досталась чрезвычайно быстро. Это был тоже бомбардировщик. Внезапно оказавшись перед носом фашиста, советский лётчик мгновенно нажал на гашетки, и от бомбардировщика полетели куски обшивки фюзеляжа. Потом уже при осмотре трупа гитлеровца на его груди было обнаружено два Железных креста, а по документам он воевал и в Испании, Долетался...

Полк часто перебазировался с одного аэродрома на другой. За короткий срок Пётр Семёнович сменил не одну полевою почту. И всякий раз, вливаясь в новый коллектив, он обязательно встречался со старыми друзьями. С одними учился в военной школе, с другими защищал небо Ленинграда или Москвы. Только вот встреча со своим другом юности Алексеем Маресьевым произошла много позднее.

— Количество не всегда играет решающую роль, — любил повторять командир эскадрильи Пётр Красиков. — У немцев больше самолётов, выше и скорость, и потолок, а победа остаётся за нами. Потому что в бою побеждает тот, кто сильнее морально, действует более напористо, применяя атакующий стиль.

Красиков всегда подтверждал сказанное на практике. Лишь в одном бою с 11 самолётами врага его группа в составе лётчиков Соколова, Шемендюка и Сударенкова сбила четыре “мессера”.

В конце июня группа лётчиков полка прибыла в Горький за новыми самолётами ЛаГГ-5. Об этой машине были наслышаны. Истребитель превосходил лучшие немецкие образцы. Лётчики горели желанием получить именно эту машину. Однако на заводе им предложили ЛаГГ-3. Старший группы Шемендюк твёрдо настаивал на ЛаГГ-5.

— А чем “тройки” плохи? — спросил его человек в гражданском костюме.

— Извините, вам сказать не могу.

— Военная тайна? — рассмеялся тот и представился: Лавочкин.

Шемендюк доложил главному конструктору мнение фронтовых лётчиков о слабых и сильных сторонах истребителя. Многие Лавочкина огорчило. Например, воздушные штуцеры “ЛаГГа” совершенно другие, чем у “Яка”. Из-за такого пустяка, который не сумели предвидеть два главных конструктора,

пришлось рационализаторам мастерить специальное переходное устройство к воздушному баллону для запуска моторов.

— Спасибо, дружок, за такое серьёзное замечание. Учтём.

... Однажды в районе Ржева наша четвёрка самолётов, которую вёл Пётр, встретила группу Ме-109. Завязался бой. Шемендюк зашёл в хвост одному “мессеру”, поджёл его. Фашист, умело сбив пламя, остался в строю. Повторяя атаку, Пётр заметил, как в хвост нашему молодому, ещё не обстрелянному лётчику Сергею Пушкиву зашёл тот самый “мессер”. Шемендюк бросился на фашиста и буквально прошёл его длинной очередью.

— Спасибо, командир, — сказал после боя Сергей Пушкив. — Вы спасли мне жизнь. Постараюсь драться, как вы.

И молодой лётчик сдержал слово. Уже в другом полку и на другом фронте лейтенант Сергей Пушкив совершил подвиг. В августе 1943-го в воздушном бою он ценой своей жизни таранил “Фокер”.

... Активные действия немецкой авиации в районе Курска начались с мая 1943 года. Массированный налёт фашисты совершили на Курск рано утром 22 мая. Бомбардировки шли группами на высоте 2500 метров при мощном истребительном прикрытии. К примеру, 20 бомбардировщиков Ю-88 прикрывали 27 Ме-109. Позади группы на расстоянии 150-200 метров находились патрульные самолёты.

Наши лётчики своевременно разгадали хитрую тактику врага, не стали связываться с патрулями, а, сковав их действия, устремились к бомбардировщикам.

— Двадцатый, я “Беркут”, — подал команду своему ведомому старший лейтенант Шемендюк, — атакую ведущего “бомбера”, прикрой!

В прицеле быстро выростал “юнкерс”. Его пилот оказался опытным. Глубоким раскачиванием крыльев он пытался уклониться от огня “ястребка”. Пётр точно рассчитал амплитуду колебания, прицелился и нажал на гашетки. Правый мотор загорелся. Последовала вторая короткая очередь, пронзившая кабину бомбардировщика.

В карусели воздушного боя теряется ощущение времени. Казалось, схватка нескончаема, прошла целая вечность, а на самом деле она продолжалась каких-то пятнадцать минут. Советские истребители блестяще выполнили своё задание, повернули на свой аэродром. На земле догорали обломки пяти самолётов врага.

Особенно отличился в небе Курска старший лейтенант Андрей Боровых, лётчик исключительной отваги. Родом он был из Курска, из семьи рабочего. Нужно ли говорить, с какой решительностью сражался Андрей Боровых в небе родного города, где жила его семья — мать, отец, братья, сёстры. Только за один месяц боёв он сжёг восемь самолётов врага. Бывало так, что в день он несколько раз пролетал над Курском, над своей родной улицей и своим домом.

— А что, если тебе сбросить на свою улицу какой-нибудь выпел с весточкой домой? — предложил Шемендюк. — Адрес укажи, уверен, кто найдёт — передаст куда нужно.

Боровых так и сделал. Написал письмо, вложил его в снарядную гильзу, к которой привязал кусок красной материи, и взял “посылку” с собой в боевой вылет. Лётчик сбил в этот день два стервятника. Пролетая над своим домом на бреющем, он по привычке несколько раз качнул крыльями и сбросил выпел с письмом, которое сразу подобрали пехотинцы и отнесли по указанному адресу. В августе 1943-го Андрей станет Героем Советского Союза. Во многих боях ещё будет сражаться этот бесстрашный воздушный боец — над городами и сёлами Украины и Белоруссии, Польши и Германии. В победном сорок пятом он пролетит над Берлином и увидит, как курятся развалины имперской канцелярии. Андрей Боровых получит свою вторую звезду Героя Советского Союза, когда ему исполнится всего лишь двадцать четыре года...

С быстротой молнии разнеслось имя лётчика-истребителя старшего лейтенанта А. К. Горовца. В одном воздушном бою ему пришлось драться с двадцатью вражескими бомбардировщиками. Он сбил девять стервятников. Это был единственный в мире лётчик, добившийся такой победы в одном бою.

Наступило первое августа сорок третьего. Капитан Пётр Семёнович Шемендюк, назначенный командиром эскадрильи, повёл свою группу “Яков” на

прикрытые наземных войск, наступавших южнее Орла. На ближних подступах к городу повстречались с большой стаей “мессеров” и “фокке-вульфов”.

— Я “Беркут”, всем — атака! — скомандовал комэск.

Закипел бой. Советские лётчики дрались мужественно и расчётливо. От меткого попадания очереди комэска загорелся один самолёт врага, пошли к земле второй и третий, сражённые другими лётчиками. Пётр с крутого виража точно вышел в хвост ещё одному “мессеру”. Оставалось прицелиться и дать очередь. Но тут он увидел, как один Me-109, сверкнув на солнце остеклённой кабиной, приблизился сзади к “ястребку” молодого лётчика Редькина, любимца всей эскадрильи. Всё решали секунды. “Крестастая” машина готова была вот-вот всадить огненную очередь в Редькина. Пётр бросил свою машину наперерез фашисту, действуя по воинскому правилу: “Если смерть смотрит в глаза друга — прими её взгляд на себя”. В момент, когда “Як” Шемендюка заслонил собой самолёт Редькина, чёрный “мессер” ударил из своего бортового оружия. Пули забарабанили по обшивке “Яка”. В одно мгновение Пётр увидел разлетающиеся осколки разбитого фонаря, фонтан крови, бьющий в приборную доску из раздробленной левой руки, яркое пламя, жарко обнявшее кабину. Потом он услышал судорожный кашель мотора и пронзительный свист воздушных потоков, обтекающих его смертельно раненный самолёт. А прыгать нельзя — внизу нейтральная полоса. И немцы могут расстрелять в воздухе. Шемендюк принял единственное правильное решение: покинуть самолёт у самой земли.

Невероятным усилием Пётр перевалился через борт кабины. Дёрнул кольцо парашюта... Когда пришёл в себя, кругом стояла тишина. Превозмогая боль, кое-как перевязал руку, пополз к линии фронта. Несколько раз терял сознание от большой потери крови. Его обнаружили ночью наши разведчики.

— Не обижайся, браток, — извинились они, — с собой взять не можем, у нас важное задание. Ты отдохни малость и ползи к своим.

Перед рассветом его случайно нашли наши санитары... В госпиталь доставили едва живого. Когда пришёл в себя, врач “обрадовал”:

— А ты, оказывается, лётчик... я же тебе обрубил левую плоскость под самый корень...

Дальше мучительные скитания по военным госпиталям, сложные операции. Однажды в палату вошёл дежурный врач, с порога объявил:

— Пётр Семёнович, к вам гость.

В дверях стоял, широко улыбаясь, Алексей Маресьев.

— Отвоевался я, — угрюмо сказал Пётр.

— Рановато — враг ещё не добит...

— Не притворяйся, будто не видишь калеку...

— А я кто? Тоже калека? — сказал Алексей и приподнял штанины брюк. — Я не стал бы тебе говорить о своей беде, если бы ты не сказал про калеку. Главное, Пётр, не раскисать и готовиться к дальнейшим боям.

— Не хочешь ли ты сказать, Алексей, что собираешься летать с этими протезами?

— А я летаю и уже сбил три самолёта. Вот только ноги мои деревянные малость износились. Приехал, чтобы заменить на новые.

Шемендюк твёрдо решил вернуться в боевой строй. А врачи против. Начались хождения по инстанциям. Везде отказ. Пришлось обратиться лично к командующему ВВС, главному маршалу авиации А. Новикову, бывшему командующему ВВС ленинградского военного округа.

— Вы уже отдали свой долг Родине полностью, — сказал маршал, глядя на пустой рукав лётчика.

— Я вечный должник у неё, всей жизни не хватит, чтобы расплатиться за то, что она дала мне.

Кадровики предложили учиться в академии. Пётр отказался — только на фронт! Его командировали во вновь формируемую 130-ю авиадивизию. Задачу поставил генерал Фёдор Иванович Шинкаренко, тепло принявший своего помощника. Общий язык нашли сразу. Оба имели одну общую профессию — истребители. Надо было в короткий срок научить молодых лётчиков стрелять по-снайперски по воздушным и наземным целям. Пётр со всей энергией включился в дело.

В мае 1944 года Шемендюк получил срочное задание с группой молодых лётчиков выехать на один из подмосковных аэродромов, чтобы принять новую

авиационная эскадрилья “Малый театр – фронту”. У кромки взлётной полосы замерли 12 боевых самолётов. На борту каждой машины ярко выведены слова: “Малый театр – фронту”. Рядом звёзды театра, среди них А. Яблочкина, Е. Турчанинова, В. Рыжова, Е. Шатрова, М. Царёв, Е. Гоголева и другие. Теперь знаменитые артисты выступали в иной роли – исполняли высокие гражданский долг перед Родиной. Они пожертвовали в фонд обороны деньги, драгоценности, которые, несомненно, представляли собой дорогие семейные реликвии и теперь превращены были в оружие победы: пушки, пулемёты, пули и снаряды, крылья машин. Командиром эскадрильи был назначен Виктор Мелихов. К нему первой подошла народная артистка СССР Александра Яблочкина, вручила технический паспорт и дала наказ скорее добить врага и вернуться с победой.

Навстречу старшему лейтенанту Александру Батизату шагнула народная артистка СССР Евдокия Дмитриевна Турчанинова. Она тепло, по-матерински поздравила лётчика с получением новой боевой машины, расцеловала и пожелала успехов. Александр предложил дорогой гостье осмотреть подаренный самолёт. Артистка потрогала крыло, хвостовое оперение, покачала руль глубины и руль поворота, спросила озабоченно: “Не отвалятся эти штуки в полёте? Смотрите, как шатаются”...

В тот же день эскадрилья вылетела курсом на запад и сразу приступила к боевым действиям.

О каждом успехе лётчики сообщали в Москву своим шефам. Из столицы на фронтовые аэродромы регулярно шли письма и открытки из Малого театра, которые вдохновляли бойцов.

Эскадрилья особо отличилась при бомбардировке вражеского сильно укрепленного аэродрома. Пробравшись через заградительный огонь зениток, лётчики сбросили бомбы точно на цель, вывели из строя взлётную полосу, штаб, ангары, уничтожили несколько самолётов на земле. В этом бою героически погибли комэск Виктор Мелихов и его ведомый Пётр Тарасенко. Погиб и Вячеслав Бушмин, отважный лётчик, любимец всего полка. Выпрыгнув из горящего самолёта, он приземлился на территории, занятой врагами. До последнего патрона отстреливался офицер, сразив четырёх фашистов. Последний патрон он оставил себе... До мая сорок пятого года эскадрилья совершила около тысячи боевых вылетов, сбросила более шестидесяти тонн бомб разного калибра, уничтожила шестнадцать самолётов врага, множество живой силы и техники.

В Восточной Пруссии закончил свой боевой путь Пётр Семёнович. Здесь началась его мирная жизнь. Распрощавшись с боевыми друзьями, с авиацией, он остался в городе, который встал из руин и получил новое название – Калининград. Здесь Шемендюк часто встречался с молодёжью, был желанным гостем у авиаторов, воинов Краснознамённого Прибалтийского военного округа, на предприятиях и в учебных заведениях. Не считаясь со временем, шёл туда, где его ждали.

Лётчик-космонавт СССР Алексей Леонов, когда был учеником восьмого класса, познакомился с героем войны на уроке мужества. После рассказа Шемендюка об авиации, о подвигах фронтовиков, юноша загорелся мечтой стать военным лётчиком. Цели своей добился. Авиация открыла Алексею Архиповичу дорогу в космос. Позднее прошёл такой же путь другой калининградец Юрий Викторович Романенко...

Ветеран побывал на месте крушения своего “Ястребка”. Тепло встретили его колхозники Кромского района Орловской области. Вместе с ними он подошёл к месту, где августовским днём 1943 года упал его самолёт. Красные следопыты школы и учитель Г. Ададуров отдали лётчику-герою найденные вещи: планшет с картой последних боёв, фотографии фронтовых друзей, письма и другие документы.

Пётр Семёнович с волнением рассматривал дорогие реликвии, пролежавшие в земле долгие годы. С пожелтевших фотографий смотрели на него молодые ровесники и он сам.

Век фронтовика короткий. Нет уже с нами Петра Семёновича Шемендюка и Алексея Петровича Маресьева. Но их подвиги будут вечно жить в сердце народа.